

27 МАРТА—МЕЖДУНАРОДНЫЙ ДЕНЬ ТЕАТРА

АРТИСТ—ПОЭТ

ВАСИЛИЙ Иванович Качалов. Я не знаю артиста более популярного. Все, кому довелось видеть его в спектаклях или слушать в концертах, никогда не забудут чудесный пленительный голос, неповторимое обаяние и благородство.

Мне в течение десяти лет работы в Московском художественном театре посчастливилось часто общаться с Василием Ивановичем, репетировать и играть во многих спектаклях, выступать в концертах и слушать его чтение на вечерах в домашней обстановке. Не любить его и как художника, и как человека было невозможно. Вся его жизнь и все его творчество были пронизаны высокой человечностью. Самым драгоценным качеством этого великого артиста

были не только гибкий и разносторонний талант, но и поэтическое отношение к своему труду.

Я начал свою работу в МХАТе в 1927 году. В театре только что приступили к репетициям «Бронепоезда» Вс. Иванова. До поступления в театр я видел Василия Ивановича во многих ролях. Это были роли интеллигентов в пьесах Чехова, Горького, Островского, Ал. Толстого. Трагедийный царь Федор, опустившийся на дно барон, философ-бюрократ Иван Карамазов. Для всех в театре было полной неожиданностью, что Качалов по собственной инициативе захотел сыграть мужика-партизана Никиту Вершинина в пьесе Всеволода Иванова «Бронепоезд 14—69». Многие скептически относились к это-

му, не представляя, как с качаловским голосом, пластикой, мягкой лиричностью можно сыграть сибирского мужичка с корявой речью и руками. Это был большой творческий риск, но смелые искания, творческая страстность и широта жизненного кругозора позволили создать Качалову незабываемый образ партизана Вершинина.

Огромное впечатление произвонило исполнение Качаловым роли от автора в «Воскресении» Л. Толстого. С какой страстностью он рассказывал о поруганной любви Катюши Масловой, с каким гневом он осуждал Нехлюдова! Это был голос самого Толстого, толстовская сила разоблачения. Спектакль звучал современно, звучал оптимистически.

Больше ста спектаклей «Воскресения» я сыграл вместе с Василием Ивановичем, и всякий раз с неослабевающим вниманием слушал Качалова, который каждый раз находил все новые и новые неповторимые, качаловские краски.

Качалов любил читать стихи не только на эстраде, но и в любой обстановке. Репертуар его был неисчерпаем. Особенно он любил лирику Пушкина, читал Тютчева, Фета, Блока, Маяковского, Есенина, А. Толстого. Мы сидели зачарованные, слушая его пленительное чтение.

Помню, как в рабочей курилке он два вечера подряд читал для рабочих и технического персонала пушкинского «Бориса Годунова». Ему всегда нужны были слушатели. В перерывах между картинками спектакля он приглашал нас в свою гримировочную послушать стихи, еще нигде не опубликованные.

Когда мы просили послу-

шать нас, он охотно соглашался и делал нам очень меткие и интересные замечания с каким-то особым, качаловским тактом. Он и нас просил подсказать ему что-нибудь, но мы, к сожалению, кроме выражения восторга, ничего не умели сказать.

Кристалльно чистый, Василий Иванович не терпел нечестности, фальши в быту. Он ратовал за настоящий контакт, настоящее взаимное доверие, большое взаимное доброжелательство.

Василий Иванович редко предавался воспоминаниям, но однажды он много и интересно рассказывал нам о Н. Э. Баумане, который долгое время в 1904—1905 гг. скрывался в его квартире.

Встречи и общение с великим артистом навсегда остались в моей памяти.

А. ЛАПШИН,

заслуженный деятель искусств Латвийской ССР.